

— Наставник, я хочу на фронт, — Юаньцзин произнес это буднично и спокойно. За последние полгода он не раз обращался к учителю за содействием.

Раньше он избегал пользоваться связями Чжан Хэлю, но война вспыхнула внезапно, и юноше пришлось отбросить ложную скромность. Он попросил учителя замолвить за него словечко, чтобы его прикрепили к опытному хирургу. Попав в ассистенты к доктору Цзяну, Юаньцзин проявил такую невозмутимость и точность движений у операционного стола, что тот пришел в полный восторг. Хирург даже пытался «переманить» талантливое помощника у Чжан Хэлю, утверждая, что парень рожден для скальпеля.

— Ты твердо всё решил? — Чжан Хэлю тяжело вздохнул. Теперь, когда война стала реальностью, он окончательно понял, ради чего его ученик все это время истязал себя учебой, заставляя себя осунуться и побледнеть. Должно быть, Юаньцзин предчувствовал беду и готовился именно к этому моменту.

— Решил, наставник. Я всё тщательно обдумал. Теоретическую базу я освоил, теперь мне нужна практика. К тому же в полевых госпиталях сейчас катастрофически не хватает врачей,
— твердо ответил Юаньцзин.

— Что ж... Ступай, поговори с отцом и готовься к отъезду. Только не заставляй его слишком сильно переживать.

— Учитель, я буду беречь себя.

Чжан Хэлю не мог и не хотел удерживать ученика. Способности и рвение этого юноши превзошли все его ожидания. Он считал большой удачей встретить такого преемника на закате жизни, и многие коллеги откровенно завидовали его везению.

Проводив подопечного, старик сделал несколько звонков. Уладить формальности было несложно: как и говорил юноша, врачи на передовой были на вес золота, а имя Цзи Юаньцзина уже было на слуху — никто не сомневался в его профессионализме.

Цзи Чанлинь, подобно наставнику, тоже не нашел в себе сил отговаривать сына. Разве мог он стать преградой на пути его благородного порыва? Он выдавил из себя улыбку, провожая Юаньцзина, чтобы тот не уходил с тяжелым сердцем, терзаясь заботами о старом отце. И лишь когда дверь за сыном закрылась, профессор Цзи не выдержал и дал волю слезам перед Чжан Хэлю.

В полевом госпитале Юаньцзину не позволяли выбирать место работы. Здесь царил строгая

дисциплина, и он беспрекословно подчинялся приказам, немедленно включившись в лихорадочный ритм прифронтовой жизни. В редкие минуты затишья врач пытался через связи разузнать хоть что-то о судьбе Цзян Циншаня и Тао Юнго.

Несмотря на то что в прошлой жизни, в мире конца света, Юаньцзин привык к смерти и сам не раз заглядывал ей в лицо, вид совсем молодых парней, изувеченных и окровавленных, которых привозили прямо с передовой, глубоко ранил его. Он делал всё возможное, чтобы облегчить их страдания и ускорить выздоровление.

Однажды, едва успев проглотить несколько ложек риса, он услышал суматошные шаги и чей-то крик:

— Доктор Цзи, скорее! Снова раненые, один в критическом состоянии! Директор Цай просит вас ассистировать, операция немедленно!

— Сейчас буду!

Юаньцзин зачихнул в рот остатки еды, на ходу накинул белый халат и бросился к операционной. Он знал: здесь время — это сама жизнь. Каждая сэкономленная секунда могла вырвать еще одного бойца из костлявых лап смерти.

Ранение пациента оказалось крайне тяжелым. Директор Цай, возглавлявший этот сектор госпиталя, в одиночку не рискнул бы гарантировать успех, но с помощью молодого помощника шансы на спасение значительно возросли.

— Сяо Цзи, готовь золотые иглы. Осколки застряли прямо у аорты, мы должны действовать предельно быстро.

— Понял, я готов.

— Начинаем!

Секунды сливались в минуты напряженного боя за жизнь. Наконец операция была завершена. Директор Цай облегченно выдохнул, но отдыхать им не пришлось — другие раненые уже ждали своей очереди.

Этот марафон длился более десяти часов. Когда Юаньцзин наконец отошел от последнего стола, его тело казалось налитым свинцом. Кое-как поев, он провалился в тяжелый сон, из которого его вырвал лишь грохот отдаленной канонады.

Новых раненых пока не привозили, и юноша, перекусив, отправился на обход. Первым делом он заглянул к тому самому бойцу, которого спасал вместе с директором Цаем. Теперь он знал, что парня зовут Лю Дачжу. У него было простое лицо и смуглая кожа. Боец уже пришел в себя

и, увидев врача, широко улыбнулся, сверкнув ровными белыми зубами.

— Лю Эрдань, а ты-то как здесь оказался? — Юаньцзин заметил в палате еще одного знакомого. Эрданя привезли в прошлой партии, ему ампутировали часть ноги, но этот крепкий малый не проронил ни слезинки.

Раненый попытался встать, опираясь на костыль, но врач жестом велел ему сидеть.

— Дачжу — мой троюродный брат из одной деревни, — пояснил Эрдань. — Кто же знал, что мы в один госпиталь попадем! Дачжу, знакомься, это доктор Цзи. Если бы не он и директор Цай, ты бы уже с Янь-ваном чай пил, в таком ты был состоянии.

— Доктор Цзи, спасибо вам огромное, — прохрипел Дачжу.

Юаньцзин, не ожидавший встретить здесь родственников, проверил пульс Дачжу и улыбнулся:

— Это наша работа. Вы сражаетесь там, мы — здесь. Не волнуйся, осколки извлекли. Немного отлежишься и снова будешь как новенький.

Лю Дачжу снова довольно осклабился. Ему понравился этот доктор: и говорит складно, и лицом вышел — красивее самой первой красавицы в их деревне.

Юаньцзин разговорился с ними, и когда Лю Дачжу упомянул командира своей роты и политрука, сердце врача забилося чаще.

— Погодите... Вы сказали, командир соседней роты — Цзян Циншань, а политрук — Тао Юнго?

— Именно так, — ответил за брата один из бойцов с более легким ранением, так как у Дачжу еще не было сил на долгие разговоры. — Если бы командир Цзян не подоспел со своими людьми вовремя, нас бы и вовсе не вывезли — полегли бы там все до единого. Надеюсь, наш ротный вместе с остатками бойцов и людьми Цзяня зададут жару врагу.

Наконец-то вести о Циншане! Юаньцзин немного успокоился, узнав, что тот жив и здоров, но тут же ощутил новый прилив тревоги. Судя по рассказам раненых, на их участке шли самые ожесточенные бои, а значит, опасность была велика как никогда.

— Доктор Цзи знает их?

— Да, — Юаньцзин быстро взял себя в руки. — Когда я был в деревне, я несколько лет жил в доме Цзян Циншаня. Он тогда восстанавливался после ранения, мы очень сблизились. И политрука Тао я тоже знаю. Если услышите о них что-нибудь еще, пожалуйста, сразу дайте мне знать.

— Конечно, доктор Цзи, не сомневайтесь. Командир Цзян и его парни — вот такие люди! — Боец показал большой палец. — Обязательно победят.

Минуты тишины были редки, а работы — невпророт. Вскоре юноша снова забыл о еде и сне, лишившись возможности следить за новостями о Циншане.

Однажды, когда он наконец присел в столовой, к нему, стуча костылем, подошел Лю Эрдань.

— Доктор Цзи! Есть новости о командире Цзяне! Его отряд захватил вражеский опорный пункт и продвинул линию фронта на несколько километров. Не волнуйтесь, командир Цзян и политрук Тао живы-здоровы, продолжают воевать.

— Спасибо, Эрдань. Теперь мне намного спокойнее.

— Да бросьте, пустяки! Пойду я.

Юаньцзин спас немало их товарищей, поэтому бойцы, если это не нарушало устав, старались при первой же возможности сообщать ему любые вести.

Состояние Лю Дачжу быстро улучшалось, через несколько дней он уже мог сидеть и шутить с остальными. Но когда Юаньцзин зашел к ним на очередной обход, он почувствовал, что в палате воцарилась гнетущая атмосфера.

— Что случилось? — спросил он. — Плохие новости?

Парни тут же нацепили фальшивые улыбки:

— Да нет, что вы... Просто Эрдань письмо из дома получил, расстроился немного. Вот, утешаем его. Правда же, Эрдань?

— Да, доктор Цзи, не берите в голову. Я справлюсь.

Юаньцзин не стал спрашивать дальше. Эти люди не умели лгать — их честные, открытые лица выдавали их с головой. Раз они что-то скрывают, значит, это касается Циншаня и Юнго. Что с ними произошло?

Он молча вышел из палаты, прижал руку к груди и посмотрел в ту сторону, где грохотал фронт.

«Брат Цзян, только не вздумай умирать. Вернись живым. Когда ты вернешься, я соглашусь на

что угодно»

Как только врач ушел, бойцы снова помрачнели.

— И что теперь? Неужели так и будем скрывать? Это как-то неправильно... Командир Цзян и остальные просто пропали со связи, это еще не значит, что...

— Будем молчать, — отрезал Лю Дачжу, утирая пот со лба. — Может, через пару дней они объявятся. А если будете киснуть, доктор Цзи сразу всё поймет.

Юаньцзин сделал вид, что ничего не подозревает, и продолжал работать как заведенный, стремясь загрузить себя делами так, чтобы не оставалось времени на тяжелые думы. Но за эти дни он исхудал еще сильнее, подбородок заострился, а под глазами залегли глубокие тени.

— Доктор Цзи! Хорошие новости! Прекрасные новости! Командир Цзян вернулся! Они одержали грандиозную победу! — Лю Эрдань закричал еще издали.

Силы, поддерживавшие Юаньцзина всё это время, внезапно иссякли. Ноги подкосились, и он едва не рухнул, успев ухватиться за дверной косяк. Эрдань, несмотря на костыль, передвигался на удивление быстро. Подлетев к врачу, он возбужденно затараторил:

— Командир Цзян со своими людьми уничтожил две роты противника! Теперь они снова на связи!

— Значит, до этого связь была потеряна?

Эрдань осекся, поняв, что проговорился. Он в замешательстве зачесал затылок, прыгая на одной ноге. Как неловко вышло — доктор Цзи всё понял!

Видя его смятение, Юаньцзин не стал давить.

— Ладно, забудь. Скажи лучше, как там командир Цзян? Он ранен?

— А? — Эрдань снова растерялся. — Этого я не знаю. — Но тут же спохватился и лихо отдал честь. — Я мигом всё разузнаю!

— Хорошо, очень на тебя надеюсь, — серьезно кивнул Юаньцзин.

Однако Лю Эрдань не успел ничего разузнать. Юношу вызвал директор Цай: прибыла новая партия раненых из другого госпиталя, который не справлялся с нагрузкой.

Когда машины затормозили у ворот, Юаньцзин увидел в толпе знакомую фигуру. С перевязанной головой, полусидя на носилках, Тао Юнго охрипшим голосом отдавал команды санитарам, призывая их быть осторожнее. На соседних носилках лежал человек без сознания.

— Тао Юнго! — Юаньцзин бросился к ним, чувствуя, как сердце обрывается в бездну.

Юнго резко обернулся, и его глаза чуть не вылезли из орбит от изумления:

— Юаньцзин?! Цзи Юаньцзин?! Ты как здесь оказался?! А, неважно... Спасай его! Циншань здесь, он совсем плох. В том госпитале сказали, что только тут его могут вытащить. Юаньцзин, помоги!

— Чего вы ждете?! Живо в операционную! Срочно на стол! — Директор Цай уже был рядом. Он распорядился позвать подмогу, и юноша бросился следом за носилками.

Когда они подошли к дверям операционной, директор Цай, поняв, что Юаньцзин знает пациента, обеспокоенно спросил:

— Сяо Цзи, ты уверен, что сможешь работать?

Юноша сделал глубокий вдох, усмиряя дрожь в руках.

— Директор, я должен. Пожалуйста, позвольте мне.

— Хорошо. Входи.

Операция длилась долгих десять часов. Когда они наконец вышли, Юаньцзин почувствовал, как силы оставили его. Он буквально сполз по стене на пол. Тао Юнго, ждавший в коридоре, подскочил к ним. Увидев состояние друга, он решил самое страшное, и слезы брызнули из его глаз:

— Юаньцзин... Неужели Циншань...

Директор Цай, заметив его реакцию, поспешил успокоить офицера. На его изможденном лице появилась слабая улыбка.

— Операция прошла успешно. Если он придет в себя, всё будет в порядке. Сяо Цзи просто переутомился, он отдал все силы этой операции. Пусть посидит немного, я пришлю кого-нибудь с едой.

Директор повернулся к политруку:

— Осколок вошел в мозг, это была сложнейшая работа. Даже я не был уверен в исходе. Нам невероятно повезло, что Сяо Цзи в совершенстве владеет иглоукалыванием. Без его мастерства ваш товарищ бы не выжил.

Тао Юнго тяжело выдохнул и сам едва не сполз на пол рядом с Юаньцзином.

— Слава небу... Как хорошо... Какое счастье, что ты оказался здесь. Это сама судьба.

Ни он, ни Циншань и представить не могли, что Юаньцзин будет так близко. И как удачно сложилось, что врачи настояли на переводе именно в этот госпиталь.

Отдохнув и немного перекусив, юноша нашел в себе силы подняться. Он зашел в палату, чтобы проверить пульс Циншаня. Ранения головы всегда непредсказуемы. Проведя осмотр, Юаньцзин связался с наставником. В долгом разговоре они обсудили все детали и составили рецепт сложного отвара. Когда лекарство было готово, врач велел поить им Циншаня, а сам поспешил уйти. Он не мог заставить себя оставаться в палате — воспоминания о десяти часах на грани жизни и смерти были еще слишком свежи.

Через три дня Цзян Циншань наконец открыл глаза. Тао Юнго, плача от радости, немедленно вызвал директора Цая.

Осмотрев пациента, тот удовлетворенно кивнул:

— Пришел в себя — это главное. Состояние даже лучше, чем я ожидал. Благодарите Сяо Цзи. Если бы не его отвары, которыми вас поили всё это время, восстановление шло бы куда медленнее.

Директор Цай, будучи хирургом западной школы, раньше скептически относился к традиционным методам. Но мастерство Юаньцзина в акупунктуре и его глубокие познания в травах заставили его пересмотреть свои взгляды. Этот юноша спас жизни множеству бойцов, и директор окончательно убедился, что будущее медицины — в союзе Востока и Запада. К тому же его поражала зрелость суждений и невероятное упорство молодого коллеги.

Цзян Циншань попытался что-то сказать, в его глазах отразилась тревога.

«Сяо Цзи? Неужели речь о его Юаньцзине?»

Тао Юнго поспешно склонился над ним:

— Директор говорит о Цзи Юаньцзине. Он приехал сюда добровольцем в самом начале войны. Ты своей жизнью обязан ему и директору Цаю.

— Спа... сибо... — голос Циншаня был похож на скрежет камней. Юнго тут же поднес к его губам воду.

— Не за что, это наш долг. Отдыхайте и ни о чем не беспокойтесь, — напутствовал директор и вышел из палаты.

Смочив горло, Циншань принялся оглядываться, ища того, кто занимал все его мысли. Он и представить не мог, что Юаньцзин окажется на фронте. Ведь даже полевые госпитали попадали под обстрелы! Юаньцзин ведь всего лишь второкурсник, как его могли сюда отправить?

Заметив его мечущийся взгляд, Тао Юнго всё понял. Он продолжал смачивать его губы мокрой ваткой и негромко говорил:

— Юаньцзина ищешь? Думаешь, у него есть время сидеть у твоей постели? Ты бы знал, как мы все перепугались! Пришел ведь своими ногами, пленных привел, и вдруг — рухнул без чувств. Только тогда и увидели рану на затылке. Цзи Юаньцзин и директор Цай десять часов не выходили из операционной. Когда они закончили, Юаньцзин даже стоять не мог. Но едва придя в себя, он сразу засел за рецепты. Твое спасение — это на семьдесят процентов его заслуга.

Политрук вздохнул:

— Я тут поспрашивал... Местные врачи спят по паре часов в сутки. Юаньцзин едва глаза откроет — сразу на обход, а как привезут раненых — так к столу. Он похудел так, что смотреть больно — одни кости остались. Кажется, дунь сильнее — и улетит.

Тревога в глазах Циншаня сменилась отчаянием. Он рвался с постели, желая немедленно найти Юаньцзина, и взглядом умолял друга привести его.

Тот лишь усмехнулся:

— Ну уж нет, я за ним не пойду. Юаньцзин сейчас явно не в духе, под горячую руку я попадать не хочу. Ты давай, поправляйся скорее. А то, чего доброго, приведет он нам скоро «невестку» знакомиться. Он же тут знаменитость: и лечит мастерски, и собой хорош, и характер золотой. Местные медсестры в очередь выстраиваются, даже начальство просят их сосватать. Отбоя от невест нет.

Циншань заволновался еще сильнее, он готов был забыть о боли и слабости, лишь бы подняться. Тао Юнго поспешил его успокоить:

— Ладно-ладно, молчу. Схожу я за ним, так и быть. Ну и тягомотный же ты человек: столько лет вместе, а до сих пор парня не пристроил.

Юнго ворчал скорее для проформы, он прекрасно понимал мотивы друга. Уходя на фронт, каждый из них готовился к смерти. Связывать себя обязательствами с любимым человеком, зная, что можешь не вернуться — это тяжкое бремя для того, кто остается. Поэтому и сам политрук не спешил обзаводиться семьей, решив дождаться конца войны.

Но он видел искренние чувства между этими двумя и не собирался мешать. Они оба были людьми волевыми и верными. Ему, как другу, оставалось лишь поддерживать их.

Оставив с Циншанем дежурного, Тао Юнго отправился на поиски Юаньцзина.

У дверей кабинета врача он стал свидетелем любопытной сцены: молоденькая медсестра, краснея и смущаясь, о чем-то горячо шептала Юаньцзину. Но стоило тому ответить, как краска сбежала с её лица. Девушка выдавила из себя пару слов и бросилась прочь. Юнго заметил, что, отвернувшись от врача, она не смогла сдержать слез.

«Эх, — вздохнул политрук, — два таких завидных жениха, и оба ни в какую не смотрят на красавиц. Подавай им друг друга, и всё тут»

— Пришел — так заходи. Чего столбом стоишь? — раздался прохладный голос Юаньцзина.

Тао Юнго неловко зашел в кабинет, припадая на одну ногу. Пулю он вытащил, и рана должна была зажить без следа, так что за себя он не беспокоился. Если уж Циншаня с того света вытащили, то его царапина — сущий пустяк.

— Хе-хе... Юаньцзин, не помешал? — Юнго заискивающе улыбнулся.

— Говори, зачем пришел. Мне еще истории болезни заполнять.

— Так это... Циншань очнулся. Места себе не находит, тебя требует. Вот я и пришел.

Рука юноши на мгновение замерла. Огромное напряжение, сковывавшее его последние дни, наконец отпустило. Пришел в себя.

На самом деле он все эти дни не спускал глаз с состояния Циншаня, хоть и не заходил в палату. Но вслух он лишь сухо бросил:

— Возвращайся к нему. Я приду, когда закончу дела. И передай ему: пусть лежит смирно и лечится, иначе я вызову сюда его мать.

— Понял! Всё передам слово в слово!

Почувствовав на себе тяжелый взгляд Юаньцзина, Тао Юнго поспешил ретироваться. Удивительное дело: он не раз смотрел в лицо смерти и врагу на поле боя, но взгляд этого юноши всё равно заставлял его нервничать.

<http://bllate.org/book/15835/1439597>